

ция, тот оперативный образ, который возникает в конкретной профессиональной ситуации и у психолога, и у других ее участников. Профессионально-культурные психологические знания обязательно предполагают «некоторую специфическую воспитанность личности и определенный склад, направленность ума» (Е.А. Климов).

Литература

1. Мамардашвили М. Как я понимаю философию.../Сост. И предисл. Ю.П. Сенокосова. – М.: Прогресс, 1990.
2. Гулина М.А. Основы индивидуального психологического консультирования. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
3. Полани М. Личностное знание. – М., 1985.
4. Флоренский П.А. Культ, религия, культура//Богословские чтения. – М., 1977.

КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В.А. Карнаухов

Ретроспективный обзор пути, пройденного психологией за прошедшее столетие, дает возможность с полным основанием утверждать, что одной из ведущих тенденций ее развития является стремление гуманизировать теорию и практику. Одним из самых эффективных средств, призванных помочь психологии решить задачу построения собственных научных основ на фундаменте антропоцентрированной методологии, была и остается категория культуры (в преломлении к особенностям психологии целесообразней говорить о психологии культуры, о психологии – в – культуре, или, что наиболее точно с нашей точки зрения, – психологической культуре).

Описательные и объяснительные возможности понятия культуры для психологии по достоинству оценивались уже в 19 веке. Однако в пылу борьбы с ассоциативно-эмпирической психологией и ее всепроникающим «психологизмом» в объяснении социальных и культурных явлений было нивелировано как значение культуры для психологии, так и значение психологии для культуры. На протяжении десятилетий попытки прояснить психологическую обусловленность и «психические свойства» культуры встречались в штыки критиками психологизма. Не спасли положение дел и многочисленные культурно ориентированные теории и парадигмы в психологии 20 века. Может показаться странным, но проблемы культуры в психологии ушедших столетий «благополучно» перекочевали в наше время. Категория культуры в современной психологии по-прежнему остается на периферии научного знания и характеризуется отсутствием четкого рационального формата, размытостью содержания и диффузностью границ. Это делает возможным в психологических исследованиях, в кото-

рых культура выступает в качестве предмета или средства научного поиска, присутствия не столько культуры в ее истинном научном смысле, сколько абстрактных разговоров о ней, введущихся на научном жаргоне. В результате «культура» синонимизируется с «компетентностью», «грамотностью», «образованностью», «воспитанностью», «просвещенностью» и т. п. «Культура ...редуцирована и снижена до «артефакта» и «контекста». Другими словами, культура адаптирована к психологии (здесь и далее выделено нами. – В.К.), взята, в лучшем случае, в своих обучающих, просветительских функциях, а не в порождающих, творческих. Отсюда проистекает тот факт, что культура рассматривается лишь как средство, а не цель» [3, с.115]. Употребляясь в психологических исследованиях не в собственном рациональном формате, термин «культура» обретает *превращенную форму*, становится неким «псевдопонятием», живет в научном мышлении самостоятельной жизнью со всеми вытекающими отсюда трудно прогнозируемыми последствиями.

В таком контексте по-прежнему актуален вопрос: как психология сопряжена с культурой? Наиболее эвристичной в этом плане представляется идея, согласно которой психологическая культура является культурным инвариантом любой культуры, некоторой постоянной величиной, своеобразным «твердым осадком» в культуре житейской, профессиональной, корпоративной, группы или отдельно взятого человека [2]. Культура, формы психики и поведение существуют неразрывно, в едином онтологическом континууме.

Основой для наиболее адекватного понимания культуры в психологии остается культурно-историческая теория Л.С. Выготского. Ее сердцевиной является учение об особой искусственной (культурной) организации всех собственно человеческих форм психики, а основным тезисом – утверждение, что высшие психические функции имеют особую «опосредствованную» структуру и что в качестве средств их организации выступают особого рода приемы и средства – *культурнорожденные* знаковые системы – выработанные в истории, зафиксированные в культуре и осваиваемые каждым отдельным индивидом в ходе индивидуального развития. «...Психика человека – сама по себе..., по мысли Выготского, не имеет своих собственных законов развития и больше того – вообще не обладает развитием. Психическое и духовное развитие человека происходит *всегда* за счет *особых*, специально организуемых (вырабатываемых в истории и закрепляемых в культуре – в самых различных, подчас весьма неожиданных и экзотических формах) искусственных систем психотехнического действия, т.е. *действия над психикой*, т.е. действия по овладению и изменению психики с помощью применения специальных искусственных знаковых средств» [4, с.85]. Таким образом, онтологическим основанием, фиксируемым в предмете психологической культуры, тем, что наполняет ее содержанием, раскрываясь в теоретическом анализе и в практической деятельности, является действительная *реальность психического развития*, реальность, понимаемая как процесс роста (самодвижения, самоосу-

ществления) – трансформации или преобразования психической и духовной организации человека посредством специфических, культурных по происхождению, «инструментов» – *modus operandi* (Р. Турнвальд), культурных средств, психологических орудий (Л.С. Выготский), «интеллектуальных машин» (М.К. Мамардашвили).

Культурное осуществление человека, являющееся сущностью психологической культуры, – это всегда «неестественный» «процесс» перехода из спонтанного режима функционирования психики в организованный (самоорганизованный), включающий в свою структуру *искусственную* (культурную, психотехническую) составляющую – заранее спроектированное, специально построенное, опосредованное *психотехническими средствами* действие субъекта развития по трансформации или реорганизации его собственного психического аппарата. «Одним и самым существенным отношением, лежащим в основе высшей структуры, является особая форма организации всего процесса, заключающаяся в том, что *процесс конструируется* с помощью вовлечения в ситуацию известных *искусственных стимулов...*» [1, с.117.]

В этой логике необходимо понимать, что и *субъектом* развития, и соответственно, субъектом психологической культуры, является не просто активно действующий человек, а тот человек, который *сам* выстраивает и осуществляет *действие с развивающим эффектом*. «Развитие тут ...происходит только в той мере, в которой совершается некоторое действие (действие всегда *искусственное, психотехническое*. – В.К.), направленное на развитие, т.е. здесь «нечто» развивается только в силу того, что его «развивают»» [4, с.85], а не само по себе, не спонтанно, как это происходит с натуральными психическими функциями. В этом случае *субъектность*, выступающая как всеобщее условие развития и самоосуществления, понимается также не «классически» – не «натурально», не в «логике твердых тел» [1, с.101]. Онтологический смысл феномена субъектности, наиболее близкий к пафосу культурно-исторической концепции развития, выражен М.К. Мамардашвили. В его трудах многократно подчеркивается, что субъект не наличен, не «морфологичен», является «не фактом, а актом», обнаруживается в «процессе», в «сдвиге» поведения, в «зазоре» опыта им самим выстроенном. Субъект обретает реальность бытия и пребывает «на границе» реальной и идеальной формы, в месте *преодоления* натуральной формы культурной формой. «Субъект существует, обнаруживается тогда, когда выражен и объективирован сам сдвиг, переход от натуральной к культурной форме, к превращению своего поведения в предмет, к использованию средств обнаружения и видения собственного поведения вне себя» [5, с.10].

В таком контексте становятся осязаемыми «границы» культуры в психологии. Категория «психологическая культура» феноменологически и онтологически фиксирует способность человека «входить» и «пребывать» в психических состояниях, функциональными коррелятами которых являются формы активности, не обусловленные биологической необходимостью

стью. Такие способности открываются у человека вследствие трансформации его натуральной психики при посредничестве искусственных (культурных, «психотехнических») средств. Трансформированные натуральные, т.е. искусственные констелляции психики, возникающие и действующие исключительно в процессе «срабатывания» культурных, психотехнических средств («психологических ловушек», «психологических орудий» – знаковых конструкций), интегрированных в функциональные системы-органы – прижизненно, каждый раз заново формируемые или актуализированные жизненной задачей, так называемые «высшие психические функции» (психические модификации, новообразования). Такие психические модификации, амплифицируя психику, вводят ее в режим не спонтанного, не «естественного» (не «натурального»), а искусственного, культурного функционирования. Возможности инициации, актуализации и реализации таких способностей – *«логика» психологической культуры* – позволяют человеку осуществлять принципиально отличающуюся от животных жизнедеятельность: самостоятельно, лично *полагать* в мире свое индивидуальное бытие, разворачивать свою активность не спонтанно, не так, как «предписано» природой, видовой наследственностью, а на определенном жизненном этапе и обществом, но осуществлять, оставаясь коллективным существом, собственное личностное волеизъявление, выполняя, по сути, свою культурную, общественно-историческую миссию.

«Логика» культурных трансформаций психических структур, «срабатывающая» исключительно благодаря действию специфических, культурно-исторических по природе, психотехнических средств и механизмов (Л.С. Выготский, М.К. Мамардашвили, А.А. Пузырей и др.), является условием порождения («полагания», «установления») в человеке в самом акте или в результате действия этих средств новых состояний (констелляций, систем) психики – высших психических функций. Речь идет об особых, «выращенных» формах – *искусственных культурах психики*. Объективируясь и содержательно фокусируясь научной рефлексией, «логика» трансформаций психических структур из низших в высшие (процесс, средства и механизмы «выращивания» искусственных культур психики) и пребывания человека в этих качественно новых состояниях психики, выступает предметом отдельного самостоятельного направления научного поиска – выступает в качестве *предмета психологической культуры*.

Категория «психологическая культура» направлена на то, чтобы помочь психологии наконец-то преодолеть натурализм и эмпиризм, «расширить поле рациональности психологии, восстановив ее в новой, «неклассической» ситуации, где она утрачивается для традиционных способов мышления» [4, с.73]. Дальнейшая задача разработки содержания понятия «психологическая культура» заключается в онтологизации сущности, содержания, генезиса, условий и механизмов самой возможности особого режима функционирования психики, лежащей в основе культурных форм человеческого поведения (деятельности) и осмысления их в качестве предмета научной рефлексии. Психологическая культура акцентирует

внимание на сфере не биологического развития и функционирования психики *H. sapiens*, а на особой «логике» ее трансформаций, становления и осуществления человека как культурно-исторического существа как в фило-, так и в онтогенезе. В свете этой особой «логики» такие традиционные понятия психологии как «психические функции», «психические состояния», «развитие», «условия и механизмы развития», «субъектность», «сознание» и многие другие приобретают иное, «неклассическое» значение.

Смысл и значение поисков рациональных коррелятов феномена психологии-в-культуре заключается в необходимости расширения научного и практического фундамента для дальнейшей гуманизации психологической науки и практики. Мы обязаны помнить о том, что сама психологическая наука является культурой в той мере, в какой выражена ее способность владеть ею же достигнутым знанием универсума.

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т.1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.
2. Исаева Н.И. Профессиональная культура психолога образования, – М.: Белгород: МПГУ, БелГУ, 2002. – 235 с.
3. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология (критический анализ книги М. Коула) // Вопросы психологии – 2000. – № 2. – С. 102–116.
4. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. – Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 117 с.
5. Эльконин Б.Д. Психология развития. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 144 с.

ИНТЕРАКТИВНЫЙ УРОВЕНЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ

М.В. Коротницкая, Е.И. Радченко

Представление об общественной жизни как о коммуникационном и информационном процессах сформировалось достаточно давно. Современные социальные теории рассматривают коммуникацию как важнейшее условие формирования и существования организаций, как основу развития социальных систем. Коммуникационное взаимодействие, взаимное принятие ролей, достижение согласия и понимания формируют организационную структуру, обеспечивают возможность кооперации и управления. Эффективные коммуникации способствуют повышению показателей ее деятельности и уровня удовлетворенности работников трудом.

Обмен информацией в процессе коммуникации предполагает воздействие на поведение партнера. Поэтому важно рассмотреть при анализе коммуникативной культуры еще одну ее составляющую – интерактивную (интеракция – от лат. «*interaction*» – взаимодействие). Первым ее выделил в структуре коммуникации Дж. Мид [См.: 1].